

А. Е. ГОЛОВАНОВ

Дальняя бомбардировочная...

<Фрагменты>

<...>

Я пытался разобраться в своих противоречивых чувствах к Сталину. В моем воображении он был воистину стальным человеком, без души и сердца, который, не останавливаясь ни перед чем, проводил политику индустриализации и коллективизации. И меня окрыляло радостное чувство, что наша страна скоро догонит и перегонит передовые капиталистические страны по техническому оснащению и производству многих видов продукции. Вместе с тем мне казалось, что, сметая с нашего пути все мешающее и сопротивляющееся, Сталин не замечает, как при этом страдает много и таких людей, в верности которых нельзя было сомневаться. Ведь почти не было такой семьи, где не было бы арестованных или исключенных из партии среди родственников или близких знакомых...

<...> Нити всех бед, как я тогда считал, тянулись к Сталину... Сейчас же я увидел человека, который совсем не соответствовал моему представлению о нем. Наоборот, мне показалось, что это человек, с которым можно говорить, который интересуется твоим мнением, а главное, думает о том же, о чем думаешь и ты, и сам помогает некоторым, вроде меня, выйти из, казалось бы, безвыходного положения, сам подсказывает тебе мысли, которые ты ищешь и не можешь найти. Больше всего меня поразила его осведомленность в вопросах авиации. Понял я и то, что мысли его сосредоточены на неминуемой грядущей войне с фашистской Германией, что пакт пактом, а мы готовимся к обороне... Все это было для меня открытием. От бушевавшей во мне бури совершен-

но противоречивых чувств я очнулся только около двери своей квартиры.

<...>

Немного походив, Сталин остановился возле меня и сказал:

— Вам, как и всякому военному, нужно твердо знать, для чего, для каких операций вы будете готовить кадры, поэтому я хочу кое-что вам сказать.

Он подошел к карте. Я последовал за ним.

— Вот видите, сколько тут наших противников, — указывая на западную часть карты, сказал Сталин. — Но нужно знать, кто из них на сегодня опаснее и с кем нам в первую очередь придется воевать. Обстановка такова, что ни Франция, ни Англия с нами сейчас воевать не будут. С нами будет воевать Германия, и это нужно твердо помнить. Поэтому всю подготовку вам следует сосредоточить на изучении военно-промышленных объектов и крупных баз, расположенных в Германии, — это будут главные объекты для вас. Это основная задача, которая сейчас перед вами ставится.

Уверенный, спокойный тон Сталина как бы подчеркивал, что будет именно так, а не иначе. О договоре, заключенном с Германией, не было сказано ни слова.

<...>

Как-то в октябре, вызванный в Ставку, я застал Сталина в комнате одного.

Он сидел на стуле, что было необычно, на столе стояла нетронутая остывшая еда. Сталин молчал. В том, что он слышал и видел, как я вошел, сомнений не было, напоминать о себе я считал бестактным. Мелькнула мысль: что-то случилось, страшное, непоправимое, но что? Таким Сталина мне видеть не доводилось. Тишина давила.

— У нас большая беда, большое горе, — услышал я наконец тихий, но четкий голос Сталина. — Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий¹.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин также тихо сказал:

— Что будем делать? Что будем делать?!

Видимо, происшедшее ошеломило его.

Потом он поднял голову, посмотрел на меня. Никогда ни прежде, ни после этого мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой страшной душевной муки. Мы встречались

с ним и разговаривали не более двух дней тому назад, но за эти два дня он сильно осунулся.

Ответить что-либо, дать какой-то совет я, естественно, не мог, и Сталин, конечно, понимал это. Что мог сказать и что мог посоветовать в то время и в таких делах командир авиационной дивизии?

Вошел Поскребышев, доложил, что прибыл Борис Михайлович Шапошников — Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба.

Сталин встал, сказал, чтобы входил. На лице его не осталось и следа от только что пережитых чувств. Начались доклады.

<...>

Положение на фронте становилось все напряженнее. Враг подходил к Москве. Шла эвакуация правительственных учреждений. Все посольства выехали из Москвы в Куйбышев. Сталин, будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, Председателем Государственного Комитета Оборона и Верховным Главнокомандующим, все больше и больше сосредоточивал в своих руках решение всех военных вопросов, в том числе вопросов обороны Москвы. Без его ведома ничего не делалось. Помнится, как Александр Михайлович Василевский, будучи заместителем начальника Генштаба, с ведома отдельных членов Государственного Комитета Оборона послал под Тулу не то роту, не то батальон собранных за ночь солдат. Сталин в это время отдыхал, и решили не беспокоить его по этому поводу. Когда же потом ему доложили, он хотя и согласился с решением, но выразил недовольство, что это сделали без него, и дал указание впредь обо всем ему докладывать.

Гражданских людей в Ставке, за редким исключением, практически не было.

При моих посещениях Ставки я встречал лишь Маленкова и Берия.

В один из тех дней в Ставке я стал свидетелем весьма знаменательного разговора, который ярко показывает роль Сталина в битве за Москву, в противовес злобным утверждениям Хрущева о малой значимости Верховного Главнокомандующего в годы войны.

Шло обсуждение дальнейшего боевого применения дивизии. Раздался телефонный звонок. Сталин, не торопясь, подошел к аппарату и поднял трубку. При разговоре он никогда не держал трубку близко к уху, а держал ее на расстоянии, так как громкость звука в аппарате была усиленная.

Находящийся неподалеку человек свободно слышал разговор. Звонил корпусной комиссар Степанов — член Военного совета ВВС. Он доложил Сталину, что находится в Перхушково (здесь, немного западнее Москвы, находился штаб Западного фронта).

— Ну, как у вас там дела? — спросил Сталин.

— Командование ставит вопрос, что штаб фронта очень близок от переднего края обороны. Нужно штаб фронта вывести на восток за Москву, а КП организовать на восточной окраине Москвы!

Воцарилось довольно длительное молчание...

— Товарищ Степанов, спросите товарищей — лопаты у них есть? — спросил спокойно Сталин.

— Сейчас... — вновь последовала долгая пауза. — А какие лопаты, товарищ Сталин?

— Все равно какие.

— Сейчас... — Довольно быстро Степанов доложил: — Лопаты, товарищ Сталин, есть!

— Передайте товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Штаб фронта останется в Перхушково, а я останусь в Москве. До свидания.

Не торопясь, Сталин положил трубку. Он даже не спросил, какие товарищи, кто именно ставит эти вопросы. Сталин продолжил прерванный разговор.

Эпизод весьма краткий, и вряд ли он требует дальнейших пояснений.

Между прочим, за все время войны мне не доводилось видеть Хрущева в Ставке, тогда как В. М. Молотова, А. И. Микояна, А. А. Жданова, А. С. Щербакова, Н. А. Булганина и других я видел весьма часто, а некоторых из них постоянно. [81] Меньше чем через год в битве под Сталинградом, Хрущев покажет полную свою несостоятельность...

<...>

Здесь мне хотелось бы сказать о некоторых личных впечатлениях о Сталине и стиле его работы. Думается, зная то и другое, читателю легче будет понять те или иные события или факты, с которыми он встретится в различных местах нашего дальнейшего повествования. Я уже говорил выше, что сложившееся лично у меня, и, мне кажется, не только у меня, мнение о Сталине в период 1937–1938 годов было явно не в его пользу. А как мы знаем, изменить укоренившееся в течение ряда лет мнение сложно. Но и не считаться с событиями, которые проходят перед вашими

глазами, не давать им объективную оценку здравомыслящий человек также не может...

От Сталина надо было ждать звонка в любое время суток. Звонил, как правило, он сам или его помощника. Н. Поскребышев. Этот поистине удивительный человек был всецело предан Сталину и всегда находился с ним, ехал ли Сталин отдыхать или работал. Поскребышев был единственным, кто знал всю подноготную любого вопроса. Сталин привык к нему и, не стесняясь, высказывал при нем свои мысли по любому вопросу и любому человеку, зная, что дальше Поскребышева ничего не пойдет. И действительно, Александр Николаевич был очень простым и общительным человеком, но в то же время в делах был нем как рыба. Спустя годы много положил Хрущев изворотливости и всяких приемов, дабы выведать у Поскребышева все о Сталине. Как говорят, и кнутом, и пряником... Но ответ всегда был один: «Вы были членом Политбюро, а я был лишь членом ЦК. Откуда мне знать больше вас? Я в заседаниях Политбюро участия не принимал, а, как вы знаете, все вопросы решались там». Вот и все. Так и умер Александр Николаевич, унеся с собой в могилу то, что знал об истинном лице Сталина, о котором он мог бы, конечно, рассказать очень много...

Если Сталин звонил сам, то обычно он здоровался, спрашивался о делах и, если нужно было, чтобы вы лично к нему явились, никогда не говорил: «Вы мне нужны, приезжайте», — или что-нибудь в этом роде. Он всегда спрашивал: «Можете вы ко мне приехать?» — и, получив утвердительный ответ, говорил: «Пожалуйста, приезжайте.» Но я, например, никогда не знал, зачем и по какому вопросу еду. Если звонил Поскребышев и у него спрашивали, зачем вызывают, всегда был один и тот же ответ: «Не знаю».

Единственно, что помогало ориентироваться, — это спросить у Александра Николаевича: «Кто еще есть у Сталина?» Тут вы всегда получали точный ответ, но это мало помогало. У Сталина можно было столкнуться с любым вопросом, конечно, входящим в круг ваших обязанностей и вашей компетенции, и вы обязаны были дать исчерпывающий ответ. Если вы оказались не готовы к ответу, вам давали время уточнить необходимые цифры, факты, даты, детали по телефону прямо из приемной. Если же оказывалось, что вы затрудняетесь ответить по основным вопросам вашей деятельности, касающимся боевой работы подчиненных вам частей и соединений, материальной части, командного состава и так

далее, которые вы обязаны знать по занимаемой должности, вам прямо говорили, что вы не занимаетесь своим делом, не знаете его и, если так пойдет дальше, делать вам на этом посту нечего. Так, незнание обстановки, возможностей своих войск и противника показал Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, разжалованный в 1942 году до звания генерал-майора. Контроль за исполнением даваемых поручений был абсолютен. Каждый знал, что его обязательно спросят, и не раз, о том, как выполняется полученное задание. Выполнение различных постановлений и решений начинали немедленно, не ожидая их оформления. Дорожили каждым часом, зная, что никаких скидок на всякие там обстоятельства не будет. Все вопросы обсуждались предварительно, исполнитель, как правило, присутствовал здесь же.

На мой взгляд, характерной чертой Сталина была его поразительная требовательность к себе и к другим. Радуюсь тому или иному успеху, на завтра он рассматривал этот успех уже как нечто само собой разумеющееся, а послезавтра «виновника» успеха спрашивал, что тот думает делать дальше. Таким образом, почивать на лаврах любому, даже весьма авторитетному товарищу не удавалось. Сталин, воздав должное человеку, который совершил что-то важное, подталкивал его делать дальнейшие шаги.

Эта характерная черта не позволяла людям самоуспокаиваться и топтаться на месте. Каждый также знал, что ответит сполна, не смотря ни на какие заслуги, если он мог что-либо сделать, но не сделал. Всяческие отговорки, которые у нас, к сожалению, всегда находятся, для Сталина не имели никакого значения. Если же человек в чем-то ошибся, но пришел и сам сказал прямо обо всем, как бы тяжелы ни были последствия ошибки, никогда за этим не следовало наказание. Но горе было тому, кто брался что-то сделать и не делал, а пускался во всякого рода объяснения. Такой человек сразу лишался своего поста. Болтунов Сталин не терпел. Не раз слышал я от него, что человек, который не держит своего слова, не имеет лица. О таких людях он говорил с презрением. И наоборот, хозяева своего слова пользовались его уважением. Он заботился о них, заботился об их семьях, хотя никогда об этом не говорил и этого не подчеркивал. Он мог работать круглые сутки и требовал работы и от других. Кто выдерживал, тот работал. Кто не выдерживал, — уходил.

Работоспособность Сталина во время войны была феноменальная, а ведь он уже был не молодым человеком, ему было за шесть-

десять. Память у него была редкостная, познания в любой области, с которой он соприкасался, удивительны. Я, летчик, во время войны считал себя вполне грамотным человеком во всем, что касалось авиации, и должен сказать, что, разговаривая со Сталиным по специальным авиационным вопросам, каждый раз видел перед собой собеседника, который хорошо разбирался в них, не хуже меня. Такое же чувство испытывали и другие товарищи, с которыми приходилось беседовать на эту тему — артиллеристы, танкисты, работники промышленности, конструкторы. Так, например, Н. Н. Воронов, впоследствии Главный маршал артиллерии, являлся к Сталину с записной книжкой, в которую были занесены все основные данные о количестве частей и соединений, типах артиллерийских систем, снарядов и т. д. Докладывая, он предварительно заглядывал в эту книжку, однако не раз бывали случаи, когда Верховный Главнокомандующий, зная все эти данные на память, поправлял его, и Николаю Николаевичу приходилось извиняться...

<...> Я видел Сталина и общался с ним не один день и не один год и должен сказать, что все в его поведении было естественно. Иной раз я спорил с ним, доказывая свое, а спустя некоторое время, пусть через год, через два, убеждался: да, он тогда был прав, а не я. Сталин давал мне возможность самому убедиться в ошибочности своих заключений, и я бы сказал, что такой метод педагогики был весьма эффективен.

Как-то сгоряча я сказал ему:

— Что вы от меня хотите? Я простой летчик.

— А я простой бакинский пропагандист, — ответил он. И добавил: — Это вы только со мной можете так разговаривать. Больше вы ни с кем так не поговорите.

Тогда я не обратил внимание на это добавление к реплике и оценил ее по достоинству гораздо позже. Слово Верховного Главнокомандующего было нерушимо. Обсудив с ним тот или иной вопрос, вы смело выполняли порученное дело. Никому и в голову не могло прийти, что ему потом скажут: мол, ты не так понял. А решались, как известно, вопросы огромной важности. Словесно же, то есть в устной форме, отдавались распоряжения о боевых вылетах, объектах бомбометания, боевых порядках и так далее, которые потом оформлялись боевыми приказами. И я не помню случая, чтобы кто-то что-то перепутал или выполнил не так, как нужно. Ответственность за поручаемое дело была столь высока, что четкость и точность исполнения были обеспечены.

Я видел точность Сталина даже в мелочах. Если вы поставили перед ним те или иные вопросы и он сказал, что подумает и позвонит вам, можете не сомневаться: пройдет час, день, неделя, но звонок последует, и вы получите ответ. Конечно, не обязательно положительный.

Как-то на первых порах, еще не зная стиля работы Сталина, я напомнил ему о необходимости рассмотреть вопрос о целесообразности применения дизелей для дальних полетов. В то время с авиационным бензином было туго, а дизели, как известно, могут работать на керосине. Результаты же применения дизелей были самые противоречивые: одни самолеты летали отлично, другие возвращались, не выполнив боевого задания из-за отказа двигателей. А у нас кроме самолетов Пе-8 (ТБ-7) на дизелях работало и много бомбардировщиков Ер-2² с хорошими тактическими данными. Бросаться ими было нельзя.

— Вы мне об этом уже говорили, — несколько удивленно ответил Сталин, — и я обещал вам этот вопрос рассмотреть. Имейте терпение. Есть более важные дела.

Прошло довольно много времени, и я собрался было еще раз напомнить, но при очередном разговоре по телефону Сталин сказал:

— Приезжайте, дошла очередь и до ваших дизелей.

Так, решая с ним самые разные вопросы Авиации дальнего действия, игравшей все большую и большую роль в войне с германским фашизмом, и присутствуя при решении многих других вопросов, я все лучше узнавал его.

Например, я довольно скоро увидел, что Сталин не любит многословия, требует краткого изложения самой сути дела. Длинных речей он терпеть не мог и сам таких речей никогда не произносил. Его замечания или высказывания были предельно кратки, абсолютно ясны. Бумаги он читал с карандашом в руках, исправлял орфографические ошибки, ставил знаки препинания, а бумаги «особо выдающиеся» отправлял назад, автору. Мы каждый день представляли в Ставку боевые донесения о нашей деятельности и, прежде чем подписывать их, по несколько раз читали, а словарь Ушакова был у нас настольной книгой. Даже в самое тяжелое время войны Сталин любил во всем порядок и требовал его от других.

Как-то А. Ф. Горкин, тогда секретарь Президиума Верховного Совета, принес проект нового закона для обсуждения. У меня не осталось в памяти сути этого закона. Хорошо помню лишь,

что в нем было всего десять-пятнадцать строк. Много раз читался он, и всякий раз спрашивалось: а можно ли этот закон толковать не так, как он мыслится, а по-другому? И всякий раз оказывалось, что можно. Чуть ли не два часа прошло, пока, наконец, не добились того, что уже никто не смог предложить или высказать другого толкования.

Письменные документы, подлежащие опубликованию в виде постановлений, решений, обрабатывались с особой тщательностью, по многу раз обсуждались и лишь после многократных чтений, поправок, критических замечаний отпечатывались начисто и подписывались. Сталин по поводу таких документов говорил: «Думай день, мало — неделю, мало — месяц, мало — год. Но, подумав и издав, не вздумай отменять».

Если вы обратите внимание на документы, которые подписывались в то время, увидите, что Сталин, хотя и являлся главой правительства и Генеральным секретарем нашей партии, в зависимости от содержания документа скромно довольствовался иногда и третьим местом, ставя свою подпись под ним.

Слово «я» в деловом лексиконе Сталина отсутствовало. Этим словом он пользовался, лишь рассказывая лично о себе. Таких выражений, как «я дал указание», «я решил» и тому подобное, вообще не существовало, хотя все мы знаем, какой вес имел Сталин и что именно он, а не кто другой, в те времена мог изъясняться от первого лица. Везде и всегда у него были «мы».

Мне запомнилась характерная особенность в обращениях к Верховному Главнокомандующему. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь обращался к нему, называя его воинское звание или должность. Обращаясь, все говорили: «Товарищ Сталин». Эти слова всегда произносились и в ответах на его вопросы. Отвечавшие говорили: «Да, товарищ Сталин», «Могу, товарищ Сталин» или «Нет, товарищ Сталин» и т. д. Думается, что такая форма обращения в то время была более приемлемой для самого Сталина. И лица, часто соприкасавшиеся с ним, не могли не учитывать этого. Мне пришлось слышать, как один из присутствующих называл Верховного Главнокомандующего по имени и отчеству, подчеркивая тем самым свое стремление быть более близким к нему, нежели другие. Сталин ничего, конечно, не сказал по этому поводу, но свое явное недовольство весьма убедительно выразил жестом и мимикой. Документы, письма и другие деловые бумаги, направлявшиеся ему, как правило, имели короткий адрес:

«ЦК ВКП(б). Товарищу Сталину». Верховный Главнокомандующий не любил, чтобы разговоры с ним выходили за пределы его дверей. Наполеон говорил, что секрет есть секрет, пока его знает один человек. У Сталина могли знать секрет и два, и три человека: он и те, с кем шла беседа. Но если он, поговорив с кем-нибудь из товарищей, предупреждал: «Об этом знаете вы и я», — то можете быть уверены: ни один человек не решался сказать кому-либо о состоявшемся разговоре, и секрет оставался секретом. По крайней мере, мне не известны такие люди, которые бы делали третье лицо обладателем этого секрета...

<...>

Сталин нередко говорил, что готов мириться со многими недостатками в человеке, лишь бы голова у него была на плечах. Вспоминается такой случай: Верховный Главнокомандующий был недоволен работой Главного штаба ВМФ и считал, что для пользы дела нужно заменить его начальника.

Рекомендовали на эту должность адмирала Исакова.

Наркомом Военно-Морского Флота тогда был Н. Г. Кузнецов, который согласился с кандидатурой, но заметил, что Исакову трудно будет работать, так как ему ампутировали ногу³.

— Я думаю, что лучше работать с человеком без ноги, чем с человеком без головы, — сказал Сталин.

На этом и порешили.

Даже в тяжкие годы войны Сталин с большим вниманием относился ко всему новому, прогрессивному, необходимому.

В одну из ночей зашел ко мне мой заместитель по связи и радионавигации Н. А. Байкузов и сказал, что меня хочет видеть Аксель Иванович Берг, у которого есть много важных и интересных мыслей. Так как радионавигация и радиолокация были у нас в АДД, основными способами самолетовождения, я с готовностью встретился с Акселем Ивановичем. Был он в то время, если не ошибаюсь, инженер-контр-адмиралом. Беседовали мы долго. Вопросы, поставленные им, имели государственное значение.

Радиолокационная промышленность тогда у нас почти отсутствовала. Достаточно сказать, что боевые корабли английского флота имели на борту локаторы, в то время как у нас об этом было весьма туманное представление. Точно так же обстояли дела и в авиации⁴. А двигаться вперед без радиолокационной аппаратуры было немыслимо. Аксель Иванович передал мне объемистый доклад, который он безрезультатно рассылал по всем инстанциям.

Его соображения о развитии этой области промышленности были весьма важны.

Я доложил о предложениях А. И. Берга Сталину, и в тот же день было принято решение о создании Совета по радиолокации при ГКО во главе с Г. М. Маленковым. А. И. Берг был назначен заместителем председателя этого Совета. Так решались важные для государства вопросы.

Всякое дело Сталин подчинял определенной, конкретной цели. Так, Б. М. Шапошников, назначенный начальником Академии Генерального штаба, представил план занятий со слушателями, где примерно треть времени сравнительно краткосрочного курса отводилась политическому образованию.

Прочитав представленный план, Сталин весь этот раздел вычеркнул и дал указание расширить военные дисциплины, сказав при этом:

— Свою политическую образованность наши командные кадры очень хорошо показали и показывают на фронте, а вот военных познаний им еще не хватает. Это — главное, на это и делайте упор.

Как я уже упоминал, Сталин часто звонил по телефону и справлялся о делах. Весьма нередко он спрашивал также и о здоровье, и о семье: «Есть ли у вас все, не нуждаетесь ли в чем, не нужно ли чем-либо помочь семье?» Строгий спрос по работе и одновременно забота о человеке были у него неразрывны, они сочетались в нем так естественно, как две части одного целого, и очень ценились всеми близко соприкасавшимися с ним людьми. После таких разговоров как-то забывались тяготы и невзгоды. Вы чувствовали, что с вами говорит не только вершитель судеб, но и просто человек...

<...>

Когда впоследствии командование АДД, высказывало свои возражения по тому или иному вопросу, нас всегда внимательно выслушивали в Ставке, и эпизодов, подобных приведенному, больше не было. Когда же наше мнение противоречило другим предложениям, Сталин спрашивал, будет ли выполнено задание, и, получив утвердительный ответ, всегда соглашался с нашим мнением. Но пришло это не сразу. Такое доверие мы заслужили потому, что АДД всегда выполняла то, за что бралась, и в то же время мы смело докладывали о невозможности выполнения тех или иных задач, которые нам хотели поставить. Вот один из примеров.

Во второй половине июня я был вызван в Ставку, где получил указание — всеми силами, имеющимися в АДД, нанести

удар по Берлину. Вернувшись в штаб, мы произвели детальные расчеты, из которых стало ясно, что наши самолеты отбомбятся незадолго до рассвета и обратный полет будет проходить практически в дневных условиях над территорией, занятой противником. Конечно, немцы не станут равнодушно созерцать наши самолеты, возвращающиеся с боевого задания, и примут все меры к перехвату их и уничтожению. Тем более что насыщенность истребительной авиацией во фронтовой полосе у немцев была тогда значительной. Возможные потери самолетов АДД могли быть столь большими, что возникала угроза нашей дальнейшей боевой деятельности.

Перед нами встал вопрос: что делать? Выполнять полученное задание или идти докладывать о нецелесообразности, а проще говоря, о невозможности выполнить его в данное время из-за вероятных огромных потерь? Конечно, проще было выполнить: война есть война, и без потерь она не бывает.

Однако мы не считали правильным приступать к выполнению поставленной задачи, не доложив о возможных последствиях. А главное, не только доложить, но и посоветовать выполнение этого задания отложить на более позднее время.

Проверив еще раз расчеты, посоветовавшись со своими товарищами, я поехал в Ставку. Как уже предвидит читатель, мой доклад о невозможности выполнить поставленную задачу без неоправданных потерь и предложение о переносе его на более позднее время, мягко говоря, восхищения не вызвали. Сталин выразил сильное недовольство такой постановкой вопроса.

Мне показалось, из-за предложенного переноса что-то серьезное нарушалось в его планах, но что, он не высказал. Сталин подверг детальной проверке все представленные расчеты, вызвав для этого специалистов из ВВС и Гидрометеослужбы. Проверяющие подтвердили, что данные о светлом времени суток соответствуют указанным в наших расчетах, что маршрут нами выбран наикратчайший и средняя скорость полета рассчитана правильно. Исходя из этого, мы также правильно назначили время вылета, а следовательно, время бомбометания и возвращения на свою территорию. После проверки наших данных специалисты были отпущены, так и не узнав истинных причин вызова. Теперь нужно было принимать решение: подтвердить отданное раньше распоряжение или согласиться с внесенным предложением и отложить выполнение поставленной задачи на более позднее время.

Сталин по своему обыкновению прохаживался по кабинету и размышлял. А подумать было над чем. Ясно, что по каким-то ему одному известным причинам нужно было нанести удар по Берлину. Возможно, он дал по этому поводу какие-то обещания союзникам, а свои обещания, как известно, он всегда выполнял. Выслушав же наши доводы, Сталин не торопился с решением.

Общаясь со Сталиным, я уже давно заметил, что логичное, короткое и ясное изложение того или иного вопроса производило на него определенное впечатление, я бы даже сказал — влияние. И логики, и ясности в доложенных соображениях было достаточно для того, чтобы отчетливо представить себе создавшееся положение.

— Когда вы считаете возможным возобновить налеты на Берлин? — наконец спросил он.

Я назвал месяц и число.

— Это точно?

— Совершенно точно, товарищ Сталин, если не помешает погода.

Походив еще немного, Сталин сказал:

— Ничего не поделаешь, придется с вами согласиться.

Разговор был окончен.

Чтобы завершить разговор об этом эпизоде, должен сказать, что ровно в полночь названного мною в качестве возможного для бомбардировки Берлина числа позвонил Сталин. Поздоровавшись, он спросил, не забыл ли я, какое сегодня число. И, услышав, что группа самолетов в такое-то время вылетела на выполнение задания, полученного нами в июне, и через несколько минут начнется бомбежка Берлина, он пожелал нашим летчикам удачи.

Контролировать исполнение принятых решений или отданных распоряжений — было у Сталина правилом. Спрос за их выполнение был всегда строг.

<...>

Непосредственно общаясь со Сталиным на протяжении почти целого года, я видел его в самые различные моменты, и теперь пытался угадать по выражению его лица, сколь серьезное положение создалось и как он на это реагирует. Было очевидно, что мысли его не относятся к постановке задач для АДД. Передо мной был уже не тот Сталин, которого я видел в октябре 1941 года... В прошлом году было видно, что Сталин ищет какое-то решение, что ему явно нужны люди, способные помочь разобраться в военной

обстановке, чем он еще, видимо, тогда полностью не владел, хотя твердость и решительность не покидали его и в те минуты, когда многим казалось, что все вокруг рушится.

Сейчас это был уже другой Сталин. Это был Верховный Главнокомандующий, который решительно вмешивался, когда нужно, в практические военные вопросы, подводя под них и теоретическую базу, как это было, например, с организацией артиллерийского наступления, с созданием мощных резервов, способных влиять на ход войны, и ряда других вопросов.

Постоянно бывая в Ставке, я не раз слышал высказывания Сталина о способах ведения войны. Надо сказать, что Сталин хорошо знал историю выдающихся походов и войн, как древних, времен Юлия Цезаря и Александра Македонского, так и более поздних, например Александра Невского и Дмитрия Донского, и сравнительно близких, связанных с именами Суворова, Кутузова, а также Наполеона. Я не раз слышал, как он излагал хорошо известные нам, военачальникам, исторические факты и при этом главным в ходе такого рассказа являлся анализ успехов и неудач в ходе тех или иных боевых кампаний.

Особое место Сталин отводил военной доктрине Наполеона, главным образом потому, что Наполеон важнейшее значение придавал артиллерии. Выражение «артиллерия — бог войны» я слышал от Сталина все чаще и чаще. И это были не только слова. Некоторые товарищи говорят, что из всех родов войск Сталин отдавал предпочтение авиации. Да, Сталин придавал авиации большое значение, но артиллерия была у него, если можно так выразиться, в не меньшем почете. В этом легко убеждают не только количественные, но и качественные изменения, какие буквально на наших глазах произошли в артиллерии за время войны. Чем больше возрастало сопротивление противника, тем чаще Сталин говорил о значимости артиллерии, причем говорилось не о значимости вообще, а о практическом применении этого рода войск. Быстро реагируя на опыт боевых операций и внимательно прислушиваясь к дельным соображениям и предложениям, Верховный Главнокомандующий пришел к ряду выводов, которые были затем положены в основу нового Боевого устава пехоты, утвержденного в 1942 году.

В частности, Верховный считал, что артиллерийская подготовка, то есть артиллерийский обстрел противника перед тем, как наша пехота пойдет в атаку, независимо от того, длится ли это

полчаса, час или же два часа и прекращается с переходом в атаку наших войск, — дело отжившее и должно быть отброшено⁵. И разъяснял почему. Противник имеет глубокоэшелонированную оборону и больше не воюет, как он выражался, «цепочкой», что было нередко во время нашего контрнаступления под Москвой. Чтобы прорвать такую оборону, артподготовки совершенно недостаточно, ибо артиллерия не может подавить противника и его огневые средства на всю глубину обороны. Не артиллерийская подготовка, а артиллерийское наступление — вот что нам нужно сейчас.

Что это значит? Это значит, что артиллерия должна наступать вместе с пехотой, это значит, пехота должна наступать не тогда, когда кончится артподготовка, а вместе с артиллерией, которая, сопровождая пехоту, должна подавлять все огневые средства противника, пока его оборона не будет взломана на всю глубину. Сталин говорил:

— Заставить пехоту наступать без поддержки артиллерии, без ее сопровождения, это будет не наступление, это будет преступление, преступление против войск, которые вынуждены нести бессмысленные жертвы, и преступление против Родины.

Верховный имел твердую точку зрения относительно того, как должны организовываться подготовка и прорыв обороны противника. Он считал, что прорыв подготовленной обороны должен осуществляться не растянутыми в цепочку дивизиями, а сосредоточенными на одном направлении ударными группами, состоящими из нескольких дивизий. В масштабах же всего фронта необходимо сосредоточение группы армий, эшелонированных таким образом, чтобы в образовавшийся или наметившийся прорыв могли быть введены свежие войска для развития успеха. Решающее же значение при прорыве, по его мнению, имела артиллерия, которая, как и пехота, должна быть сосредоточена на каком-либо определенном участке прорыва обороны противника вместе с пехотой. Так следует организовывать ту или иную армейскую или фронтовую операцию для достижения полного успеха. Только объединенные действия пехоты с массой артиллерии могут решить успех наступления.

Осуществимо ли все это? Хватит ли для этого на том или ином фронте войск и артиллерии? Да, хватит. Беспредельно насыщать тот или иной фронт живой силой и техникой, конечно, невозможно, но сгруппировать силы и средства фронта на одном из участ-

ков намеченного прорыва за счет снятия их с пассивных, то есть не ведущих активных действий, участков можно. И нужно. Так поставлены были Сталиным в начале 1942 года вопросы ведения войны в новых создавшихся условиях.

<...> В дальнейшем тактика наступательных операций наших войск все время совершенствовалась, но в основе ее всегда лежали два фактора. Во-первых, сосредоточение на участках прорыва максимально возможного количества сил и средств, их эшелонирование; во-вторых, артиллерийское наступление, включающее в себя артподготовку и последующее сопровождение пехоты огнем и колесами, иными словами, смена огневых позиций при преодолении обороны противника на всю ее глубину. Плотность же артиллерии при прорыве подготовленной обороны противника была доведена до нескольких сот стволов на один километр фронта.

Излагая эти принципиально новые в ту пору положения⁶, я не касаюсь здесь других вопросов организации наступательных операций, как то: обязательного участия в них авиации, танков и т. д. Я позволил себе остановиться на внесенных Ставкой Верховного Главнокомандования коренных изменениях в тактику артиллерии потому, что в военной мемуарной литературе об этом говорится мало.

...Надо сказать, что Сталин быстро разбирался в причинах неудач тех или иных боевых операций. Так, например, в мае в связи с неудачами, которые потерпели наши войска на Керченском перешейке, он дал весьма точный анализ причин, не встретивший никаких возражений со стороны знатоков военного дела, и по заслугам наказал виновных. Известно, что наши неудачи на Керченском перешейке явились результатом отсутствия глубокоэшелонированной обороны. Дивизии были выдвинуты вплотную к противнику, а вторые и третьи эшелоны не созданы. Несмотря на то что участок обороны каждой из дивизий составлял всего два километра, наша оборона была прорвана и противник сразу вышел на оперативный простор. Если бы у нас были своевременно созданы вторые и третьи эшелоны и имелись бы армейские и фронтовые резервы, развернутые на подготовленных в глубине обороны рубежах, противник не смог бы достичь успехов: у нас было достаточно войск, чтобы отразить попытку противника овладеть перешейком. Кроме того, в ходе боев отсутствовало единое твердое руководство войсками со стороны командования фронтом, что усугубило создавшееся положение. Для всех нас неудача на Керчен-

ском перешейке послужила предметным уроком... Сейчас, глядя на Сталина и дожидаясь, когда он обернется ко мне, я думал, что теперь вряд ли его можно ошеломить, застать врасплох; однако случилось что-то весьма неприятное, неожиданное, и он, видимо, размышляет о том, как выйти из этого положения.

— Вот что, — наконец произнес он, обращаясь ко мне. — Связь с Малиновским (в то время командующим Южным фронтом. — А. Г.) у нас потеряна. Немец повернул на юг. Я думаю, не получив успеха под Воронежем, он пойдет сейчас на Сталинград. Кавказ ему ничего не даст, он там не решит исхода войны. Ключи от Москвы он хочет найти в Сталинграде.

Я думаю, там, на том направлении, будет решаться сейчас судьба войны...

<...> Относительно того, на каком направлении будут развиваться решающие события войны, существовали самые различные мнения. В частности, некоторые предполагали, что противник пойдет на Кавказ с целью отрезать Баку с его нефтеносными районами. Но, как увидим дальше, именно Сталин верно определил направление главного удара верховного командования немецкой армии, и это послужило Ставке отправной точкой для проведения соответствующих мероприятий.

— Я прошу вас направить все имеющиеся сейчас силы на уничтожение переправ противника в районе станицы Константиновской и сообщить мне, когда вылетят самолеты, — приказал Сталин. Через два часа я доложил Верховному, что самолеты в воздухе и идут на выполнение поставленной задачи.

<...>

Хочу здесь остановиться на одном событии 1943 года в нашей армии — введении погон. Разговоры о новой форме уже были. Я знал, что Андрей Васильевич Хрулев имел задание дать образцы такой военной формы, которая была бы красива, внушала уважение и в то же время была проста, удобна в носке и не доставляла много хлопот при ее надевании. Когда различные образцы были готовы, их привезли в Кремль, и на некоторое время кабинет Сталина превратился в выставочный зал различных сшитых по указаниям модельеров образцов обмундирования. Чего тут только не было, вплоть до мундиров с эполетами времен восемнадцатого века. Сталин внимательно рассматривал представленные образцы и покачивал головой — то ли от удивления, то ли от недоумения. В конце концов он спросил:

— А нет ли здесь формы русской армии, которую носили простые русские офицеры?

Оказалось, что такая форма имеется, но находится она где-то в сторонке, поэтому и неприметна. Когда эту форму представили, то оказалась она весьма скромной: китель с погонами и брюки навыпуск — повседневная; гимнастерка с защитного цвета погонами и брюки в сапоги — полевая.

Парадная форма — такая же, но расшитая золотом. Когда Сталин попросил рассказать, сколько лет этой форме, какие изменения она претерпела, то оказалось, что усовершенствовалась эта форма многие и многие годы. Как пример, было указано на то, что на кителе раньше было шесть пуговиц, а стало пять, чтобы быстрее можно было его застегнуть, но прошли десятилетия, прежде чем большинство признало, что китель с пятью пуговицами удобнее, чем с шестью, и такой китель был окончательно введен в армии.

— А сколько же времени усовершенствовалась вообще форма в русской армии? — спросил Сталин работников тыла.

— Форма в русской армии усовершенствовалась в течение всего времени ее существования, — последовал ответ.

— А остальная форма, представленная здесь?

— Все, что здесь представлено, — новое, только что созданное.

— Зачем же мы будем вводить еще не испытанное, когда здесь есть уже проверенное? — сказал Сталин.

На этом и порешили. Так была введена форма, уже существовавшая ранее, и она полностью оправдала себя в течение всей войны. Только против погон высказался Г. К. Жуков, а против гимнастерок — С. М. Буденный. Много после введения этой формы последовало в ней всяких изменений, но мне кажется, китель, который существовал в армии с начальных времен, является наиболее удачным, простым и удобным предметом военного обмундирования.

<...>

Верховный Главнокомандующий, который нередко поднимал дух у тех или иных военачальников в 1941-м и 1942 годах, сейчас, наоборот, охлаждал пыл тех, у кого наши крупные победы несколько вскружили головы. Сталин говорил: недобитый враг — самый опасный враг, а мы его еще не победили.

Мы можем и должны радоваться нашим успехам, но преуменьшать силы врага мы не имеем права. Трудностей впереди у нас еще много.

Вспоминая эти слова Сталина, скажу, что мне лично никогда не приходилось встречать человека, который в такой степени умел бы не только держать себя в руках и управлять своими чувствами, вливать в людей твердую уверенность в свои силы, в себя в самое тяжелое время, но и умел бы сдерживаться сам и сдерживать людей от проявления длительной радости или торжества после достигнутых успехов и нацелить их на преодоление дальнейших трудностей. Непросто было достигнуть этого в 1941-м и 1942 годах, но, я бы сказал, еще труднее это было делать тогда, когда, казалось бы, все идет в лучшем виде и беспокоиться не за что.

Сталин сразу же нацеливал людей на преодоление дальнейших трудностей, на ликвидацию так называемых «узких мест». Это у него получалось как бы само собой — дальнейшим, совершенно очевидным, необходимым шагом.

Поэтому достигнутые успехи вскоре как-то сами по себе превращались в повседневное явление, и люди уже боролись за достижение новых рубежей.

Это умение управлять людьми особенно было видно у Верховного в делах военных, фронтовых.

Ни один человек не сможет сказать, что он слышал от него такие слова, как: я решил, я приказал, я предложил. Таких слов в его лексиконе не существовало. Однако каждому, кто соприкасался с Верховным, было хорошо известно, что без его ведома, без его согласия никто, нигде, никогда, никаких операций не проводил. Что касается советов, то у каждого их есть великое множество и каждый приписывает себе результаты такого совета, если, конечно, они положительные, а если результат не положителен, никто о своих советах вспоминать, понятно, не будет. Советы давать куда проще, чем претворять их в жизнь.

Многое, очень многое исходило от самого Сталина. Обычно это начиналось со слов: «Вот тут товарищи предлагают...» И дальше шло изложение сути дела. Были и просто прямые указания по таким важнейшим вопросам, как прорыв подготовленной обороны противника или артиллерийское наступление.

Об этом я уже говорил.

За 1943 год мне лично известны два случая посещения Сталиным фронтов — Западного и Калининского⁷. Эти посещения в августе были связаны с тем, что не получалось дальнейшего продвижения этих фронтов на запад, так как оборона противника была хорошо подготовленной, развитой и все время усовершенствов-

валась, представляя собой весьма труднопреодолимое препятствие. Однако никаких объявлений войскам, что у них был Верховный Главнокомандующий, не было.

Известно — чем больший пост занимает тот или иной человек, тем проще и легче ему получать награды. Мне хотелось бы здесь рассказать, как И. В. Сталин был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Поздней осенью 1943 года приехал ко мне в штаб генерал-полковник Ефим Иванович Смирнов и привез обращение командующих в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой наградить товарища Сталина орденом Суворова. В обращении перечислялись заслуги Верховного перед Советским государством в ведении войны против фашистских захватчиков. Я спросил, почему я, командующий, подчиненный непосредственно Ставке, должен подписывать представление на своего руководителя, ведь так не бывает. Ефим Иванович ответил, что выполняет поручение и что только по ходатайству командующих Сталин согласится принять этот орден. Подписей под представлением еще не было. Считая неудобным подписывать первым такое представление, я обратил на это внимание Смирнова. Он сказал:

«Решили начать с тебя».

Конечно, это представление я подписал от чистого сердца. Но это для меня был и предметный урок: чем выше занимает должность тот или иной человек, тем щепетильней должен он быть в отношении различных почестей и наград.

В начале ноября 1943 года был опубликован указ о награждении И. В. Сталина, где было сказано: «За правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецких захватчиков и достигнутые успехи наградить...»

Я более чем уверен, что редакция этого указа не прошла мимо Сталина. Об этом говорит лаконичность и скупость формулировки. В вопросах, касающихся лично себя, Сталин был весьма строг. Действительно, разве наличием наград определяется «удельный вес» руководителя государства во время ведения войны? Известно, у Владимира Ильича Ленина за всю Гражданскую войну вообще не было никаких наград, а с кем он может быть сопоставлен?! Авторитет Сталина во время войны, мне кажется, мог бы только уменьшиться, допусти он какую-то слабость в этом вопросе.

<...>

В середине декабря 1943 года, вскоре после нашего возвращения из Тегерана, я получил указание Верховного Главнокомандующего убыть в Ленинград и помогать командованию фронтом в предстоящей наступательной операции. Перед моим убытием были обсуждены и вопросы вывода из войны Финляндии. Как это ни покажется странным, Сталин спрашивал у меня: знаю ли я историю Финляндии? Известно ли мне о безуспешных военных действиях там Петра I и, наоборот, об успехах Александра I, благодаря которым Финляндия вошла в состав Российской империи?

Услышав, что во время советско-финляндского военного конфликта мной прочитано достаточное количество литературы как о самой Финляндии, так и о ее присоединении к Российскому государству, Сталин остановился на этом конфликте и дал высокую оценку как финскому солдату, так и народу Финляндии. Он отметил его трудолюбие, стойкость, патриотизм, но в то же время сказал, что огромная пропасть лежит между чаяниями и надеждами народа Финляндии и целями и стремлениями профашистского правительства, которое ввергло государство в войну и заставляет расплачиваться за это свой же народ. Из разговора было ясно, что, с одной стороны, Сталин питает уважение к финскому народу, однако ему, как Верховному Главнокомандующему, нужно принимать то или иное решение для того, чтобы ликвидировать военную угрозу на северном крыле советско-германского фронта.

Было очевидно, что массированные удары авиации повлекут за собой огромные жертвы и так немногочисленного народа, который должен рассчитываться за проводимую его правительством политику. Зная Сталина уже не первый год, я видел, что он колеблется в принятии окончательного решения. Перед самым отъездом я получил указания Сталина, чтобы одновременно с поддержкой наступательных действий войск Ленинградского фронта были проведены все необходимые мероприятия по подготовке удара по военно-промышленным объектам Финляндии с таким расчетом, чтобы выполнение этой задачи началось в считанные часы после получения приказа. Удар наносить по порту Хельсинки, железнодорожному узлу и военным объектам, расположенным в предместьях города. От массированного удара собственно по городу воздержаться. В первый налет направить несколько сот самолетов, а при дальнейшей надобности, если таковая возникнет, количество самолетов, участвующих в налетах, наращивать.

Был условлен и пароль, который передаст мне лично Верховный по телефону. Я был также предупрежден, что знать о предстоящей операции до момента ее начала никто не должен.

<...>

Прежде чем приступить к рассказу о происшествии, я должен сказать о том, что являлся к Верховному Главнокомандующему, не имея при себе ни записей, ни блокнотов, ни карандашей. Докладывал всегда и все по памяти, а получаемые распоряжения, которые подчас были довольно разнообразны по своему содержанию, никогда не записывал, но всегда их помнил и точно выполнял. Когда мной получалось значительное количество всяких заданий, Верховный не один раз говорил мне, чтобы я их записывал, иначе могу что-либо упустить или забыть. Хотя этого и не случалось, но все же Сталин заметил, что когда-нибудь такое со мной обязательно произойдет и могут быть на этой почве большие неприятности...

<...> Зная, какой памятью обладает сам Верховный, мне было непонятно, почему он всякий раз меня предупреждает, чтобы я чего-то не забыл. Обычно только человек, который сам часто бывает забывчив, напоминает другим, чтобы этого с ними не случилось! Надеясь на свою память, которая меня никогда не подводила, такие замечания, грубо говоря, я пропускал мимо ушей...

Наши войска вели бои на территории Венгрии, где противник оказывал нам упорное сопротивление, почему и Авиацию дальнего действия привлекли на это направление. Однажды вечером позвонил Верховный и, сказав, чтобы я взял карандаш, стал диктовать мне объекты, подлежащие ударам с воздуха.

Диктуя, Сталин указывал, по какой цели, в какой день и каким количеством самолетов следует наносить удар. И вот именно в этот раз у меня под рукой не оказалось ни карандаша, ни ручки, которыми я мог бы сделать записи. Твердо надеясь на свою память, я заверил Верховного, что все будет выполнено.

Он спросил меня:

— Вы опять не записываете, что я вам говорю?

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин, все будет выполнено в лучшем виде! — ответил я.

— Ну, смотрите! С такими вещами не шутят. — Раздались частые гудки, Сталин положил трубку.

Нужно сказать, что города, районы и населенные пункты в Венгрии носят трудно выговариваемые, а следовательно, и так-

же трудно запоминающиеся для нас, русских, названия. Из пяти объектов, названных Сталиным, которые поочередно должны были быть подвергнуты массивным ударам в каждую последующую ночь, названный четвертым выпал из моей памяти, когда я отдавал соответствующие указания начальнику штаба. Не придав сразу этому значения, я решил, что запросто найду названную цель на карте.

Начальник штаба ушел отдавать необходимые распоряжения, а я подошел к карте и стал искать на ней указанный Сталиным и забытый мною пункт. К своему удивлению, я его не нашел. Взяв карты более крупного масштаба, я и там не обнаружил того, что искал. Сталин оказался прав. Память меня подвела. Я не мог вспомнить названия, хотя по содержанию полученной задачи был уверен, что разыскиваемый мной пункт должен находиться в одном и том же районе с другими целями. Такого, повторю, со мной никогда еще не случалось.

Возвратился начальник штаба, чтобы получить название объекта, который значился четвертым. Чем больше я рассматривал наименования населенных пунктов, тем менее они подходили к названному Верховным. Как помнит читатель, мы ежедневно посылали свои боевые донесения лично Сталину, и он, читая их, видел, как выполняются те или иные отданные им распоряжения. Нередко, прочитав донесение, он звонил и уточнял интересующие его данные. Что же касается его распоряжений, на которые он особо обращал наше внимание, то контроль за их выполнением был с его стороны безусловным.

Невольно, видимо по ассоциации, воскрес в памяти рассказ А. П. Чехова «Лошадиная фамилия», читая который я когда-то от души смеялся. Однако теперь, когда я попал в положение, в какой-то степени напоминающее рассказ Антона Павловича, мне было не до смеха. Зная в деталях положение наших войск в Венгрии, а в связи с этим и районы возможных боевых действий АДД, я все же никак не мог найти названия населенного пункта, хоть как-то напоминающее то, в районе которого нужно было нанести удар.

Много затратили мы с начальником штаба времени, чтобы все-таки найти на карте нужный объект... Начальник штаба, не зная, естественно, этого объекта, предлагал различные пункты, которые по логике вещей могли быть предназначены для нашего удара. Но так мы ни до чего и не доискались.

Ничего не оставалось делать, как, если можно так выразиться, идти с повинной к Верховному. Однако впереди оставалось еще три дня до выполнения той задачи, и я решил отвлечься от этого вопроса в надежде, что, как это нередко бывает, название через какое-то время само всплывет в памяти.

На другой день позвонил Сталин, высказал удовлетворение по результатам нашего налета по объекту, назначенному для удара в первую ночь, и дал указание продолжать действия. Видимо, о результатах налета им, кроме нашего боевого донесения, были получены данные и от руководства фронтом.

В следующую ночь из-за плохих метеорологических условий в данном районе АДД боевых действий не вела. Потом был совершен боевой вылет на следующий объект, но название четвертой цели так и не восстанавливалось в моей голове. Делать нечего — нужно докладывать Верховному...

В день подготовки удара по третьему объекту, когда шло согласование нанесения его с командованием фронта, позвонил Сталин и, спросив, готовимся ли мы сегодня в ночь наносить третий удар, сказал, что надобность выполнения боевого задания по четвертому объекту отпала, а вместо него следует действовать по объекту номер пять.

При следующем моем посещении Кремля со мной были блокнот и карандаш.

Когда, получая задания, я развернул блокнот и вынул карандаш для того, чтобы записать цели, Верховный несколько удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Появление в моих руках принадлежностей для письма говорило само за себя... Так ни разу и не спросил меня Сталин, почему я стал являться к нему с блокнотом и карандашом. Я же сделал для себя вывод, что разумными советами нужно пользоваться не согласно старинной русской поговорке — «гром не грянет — мужик не перекрестится», а своевременно, когда тебе их дают.

<...>

Было бы детской наивностью считать, что своевременное приведение в боевую готовность наших войск не допустило бы прорыва противником нашей обороны. Первоначальный успех противник все равно бы получил, ибо, имея уже двухлетний опыт ведения боевых действий и превосходя нас по количеству всех видов оружия, сконцентрировав его на определенных участках советско-германского фронта⁸, он, по логике вещей, должен был

такой успех в начальный период получить, однако это не было бы той катастрофой, которая имела место в действительности. Даже уже считанные часы, которые оставались до вероломного нападения гитлеровских войск на нашу Родину, и те были затрачены на составление указаний приграничным округам, чем была окончательно потеряна последняя возможность приведения войск в состояние боевой готовности для отражения удара противника.

Пример приведения в боевую готовность наших Военно-Морских Сил в эти же считанные часы до нападения говорит о том, что при надлежащей распорядительности и организованности можно было все же провести хотя и запоздалые мероприятия, которые в какой-то степени предотвратили бы разразившуюся катастрофу. Своевременное приведение войск в боевую готовность и своевременные мероприятия по организации управления войсками дали бы возможность руководству, во-первых, иметь полную информацию о том, что происходит, как развиваются события при начавшихся боевых действиях, и принимать соответствующие меры, во-вторых, зная положение дел, руководство могло надлежащим образом управлять действиями войск, принимать соответствующие меры и организовать отвод наших войск на новые рубежи. Однако все это было упущено, и катастрофа разразилась именно потому, что с наступлением противника было потеряно управление войсками, была потеряна с ними связь.

Войска оказались предоставленными самим себе, совершенно не зная о том, что вокруг них делается, а руководство страны значительный отрезок времени тоже не знало, где находятся войска и что с ними. Так началась для нас война. Одной из причин, способствовавших такому положению, явилась, с моей точки зрения, замена опытного начальника Генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова другими товарищами — сначала К. А. Мерецковым, а потом Г. К. Жуковым. Это была одна из серьезных ошибок И. В. Сталина. Заменить человека, мыслящего масштабами государства, отлично знающего положение и состояние Красной Армии, готовящего длительный период времени все необходимое для возможной в недалеком будущем войны, отлично знающего международное положение и место Советского Союза в нем, находящегося в курсе подготавливаемого гитлеровцами похода на Восток, прекрасно разбирающегося

ся в политике, — явление, надо прямо сказать, малопонятное, не логичное. Мы стояли на грани войны, и такое явление, зная уже достаточно хорошо стиль и методы работы Сталина, я бы назвал необъяснимым...

<...> Что же касается А. М. Василевского, то Сталин не мог найти себе лучшего начальника Генерального штаба после Б. М. Шапошникова. Вот именно Василевский по истечении года войны, приобретя опыт и знания, общаясь как со Сталиным, так и с Шапошниковым, по праву занял этот высокий пост. В то же самое время и Жуков занял в войне положенное ему по праву место, сначала командующего фронтом, а затем — заместителя Верховного Главнокомандующего, для которых, образно говоря, он и был рожден. Вскоре после начала войны все встало на свои места — Шапошников стал опять начальником Генерального штаба, а Жуков пошел руководить боевой деятельностью войск...

<...>

Я хочу здесь засвидетельствовать и то, что ни одна операция, ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие никогда и нигде не проводились без санкции, без доклада Верховному. Он твердой рукой руководил проводимыми операциями фронтов, руководил работой своих заместителей и своих представителей Ставки на тех или иных фронтах, на тех или иных направлениях. Спрос со всех был одинаков, невзирая ни на чины, ни на занимаемую должность. Он, не стесняясь, указывал каждому на сделанные просчеты или ошибки и давал рекомендации или прямые указания, как их исправить. Это касалось и командующих фронтами и армиями, это касалось и начальника Генерального штаба А. М. Василевского и заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова.

Все решения, принимаемые Верховным, предварительно, как правило, обсуждались или оговаривались с большой группой товарищей, имевших отношение к принимаемому решению или знавших обсуждаемый вопрос. Все более или менее важные вопросы обсуждались и решались в присутствии членов Политбюро и Государственного Комитета Оборона. Напомню, что в ГКО была объединена вся советская исполнительная и законодательная власть и партийное руководство всей страны. Государственный Комитет Оборона был высшим органом, которому подчинялись все без исключения партийные и советские организации. Послед-

нее слово в обсуждаемых вопросах принадлежало Верховному, но мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он противопоставлял свои мнения большинству, хотя по ряду вопросов с некоторыми военными товарищами не бывал согласен и решал вопросы в пользу интересов дела, за которое высказывалось большинство.

Думаю, что здесь нет надобности убеждать кого-либо в том, что Сталин являлся истинным руководителем вооруженной борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Его военный талант не сравним ни с чьим не только из наших военных деятелей, но и из военных или государственных деятелей капиталистических стран, в том числе и военных деятелей фашистской Германии. Некоторые товарищи говорят, что он был не силен в тактике. Я не знаю, о какой тактике ведется речь. Если идет речь о тактике мелких подразделений или о тактике ведения боя полком или дивизией, так такие знания, надо полагать, ему и не были нужны. Эту тактику должны знать командиры рот, батальонов, полков, дивизий, корпусов, наконец, командующие армиями. Если же идет речь о тактике в стратегии, где таковая тоже, как известно, имеется, то равного ему в этой тактике не было⁹.

Кажется мне, что нет совсем никакой необходимости в том, чтобы доказывать, что Верховный не воевал по глобусу, хотя, как известно, война имела глобальное значение. Однако очевидно, это вещи разные. Если вы ознакомитесь с директивами или указаниями Сталина, которые посылались командующим фронтами или представителям Ставки и которые сегодня уже не являются каким-либо секретом, то лично убедитесь, сколько военной мудрости, сколько предвидения вложено в них. Это доказывают результаты последующих действий, проведенных на основании таких указаний.

Как Верховный Главнокомандующий, он ввел много новых теоретически и практически обоснованных положений в способы и методы ведения войны. Именно применяя их, эти способы, мы выиграли войну, одержали невиданную победу, разгромив фашизм и его полчища. Все это было преподано им на основе опыта ведения войны, на основе его общения с огромным количеством различных людей, начиная с солдат-снайперов, танкистов, артиллеристов, летчиков, до командиров подразделений, частей и соединений, объединений.

Война была выиграна также и потому, что были созданы новые виды оружия.

Это оружие создавалось опять-таки на основе общения Верховного с людьми, ведущими непосредственные боевые действия, на основе советов с ними, на основе их рекомендаций. Таким образом, мы прослеживаем и здесь действия и мероприятия руководителя, не отгороженного от массы людей, ведущих войну, руководителя, который на основе повседневного общения с этими людьми проводит в жизнь мероприятия, обеспечивающие успешное ведение войны.

<...>

